

УДК 303.02 (045)

*В.Л. Круткин***СОЦИАЛЬНОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В СИСТЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ**

В статье анализируются вопросы теории познания, представленные в монографии М.Ю. Савельева «Мультидисциплинарный институционализм. Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма». Работа посвящена проблеме проектирования систем управления. В статье дается критический анализ представленной в монографии концепции формирования научного знания, дается анализ решений, предложенных автором по вопросам отношения информации и знания, связи знаний о природе и обществе, движения знаний через данные к информации, знанию и метазнанию. Анализируются эвристические допущения автора, касающиеся объективности и субъективности социального знания. Показана важность вклада К. Поппера и М. Полани, в идейную основу понятий, необходимых для развития эпистемологии проектирования систем управления. Поппер рассматривал процесс познания с позиций объекта, тогда как Полани исходил из позиции субъекта. В статье дается критический анализ связи истинности знания и его реализуемости в практике управления, связи знания явного и неявного. Ведь гуманитарное знание – это область самопознания человека и человечества. Оно играет важную роль в рефлексивных процессах, в процессах проектирования новых практик. Рассматривается проблема границы знания, когда осуществляется выход за его пределы, осуществляется выбор, принимаются решения в отношении ценностей.

Ключевые слова: социальное и гуманитарное знание, методология, эвристические допущения, личностное знание, объективность, мультидисциплинарный институционализм, естественно-научное знание, метаметодология.

1. Информация и социальное знание

Монография М.Ю. Савельева [1] – это фундаментальное исследование, представляющее результат многолетнего осмысления проблем управления. В центре внимания автора, как он об этом пишет и в других своих работах [2-8], – знания об обществе с точки зрения разработки методологических оснований проектирования систем управления, способов, методов, возможностей и целей получения этого знания и технологий работы с ним. Указанные направления свидетельствует об актуальности проблемы. Поставленные в работе исследовательские цели последовательно достигаются. На читателя не может не произвести впечатление объем изученного материала по экономической теории. Необходимо также отметить авторский стиль изложения результатов, манеру вести научное повествование в живой форме, пробуждающей читательский интерес. Автор во многом выполняет роль «первопроходца» в выбранной теме, не случайно ряд положений вызывает вопросы, которые хотелось бы рассматривать как приглашение к дискуссии. Предлагаемую статью следует рассматривать как именно «заметки на полях», нежели чем как полноценную рецензию книги. Остановимся лишь на некоторых аспектах работы, прежде всего на эпистемологических вопросах авторского проекта.

Автора, прежде всего, интересует природа социального знания. Следует различать практические и теоретические аспекты проблемы. Контекстом социального знания выступают практические проблемы, которые ведут аналитиков к теоретическим размышлениям. Методы социальных наук, как и наук естественных, заключаются в осуществлении решений, которые предлагаются для данных проблем. Характерны подходы к этим проблемам, представленные такими классиками эпистемологии науки, как Карл Поппер [9] и Майкл Полани [10].

Первый стоял на позициях, защищающих статус объекта, как в науках о природе, так и в социальных науках. Это отражается уже в названии одной из основных его книг – «Объективное знание». Второй подчеркивал статус субъекта, что также отражено в названии одной из главных работ – «Личностное знание».

Не бывает бесстрастной науки, ученого интересует не просто вопрос – как устроен социальный мир, но и вопрос – каким он хочет, чтобы мир был. Истина – это желание истины, писал М. Полани. Поэтому в социальных знаниях всегда переплетается информационно-реальное и идеально-утопическое. Кстати, социальная философия, которая образует фундамент социального знания, не представляет собой твердого монолита, скорее это во-многом несводимые вместе разные модели – мы находим деятельностную, натуралистическую, реалистическую и феноменологическую модели социальной реальности Пигров [11].

Но годится ли имеющееся знание для проектирования систем управления? Вот проблема, кото-

рая проходит сквозной линией через многие разделы монографии: сформировавшиеся в естествознании требования к научным знаниям оказываются неприменимыми к социознанию вообще, и к проектированию систем управления, в частности.

Центральное для автора понятие – это «знание». Оно определяется «как социальная форма информации, такая форма информации, которая не существует вне и без общества» [1. С. 63].

Нельзя не заметить, что последнее указание про «вне и без» мало проясняет вопрос о том, что такое «социальное знание». Вне общества не существуют ни религиозные представления, ни художественные образы, ни психический бред, ни политические программы. А если все перечисленное зачислить в содержание социального знания, то многие из существенных характеристик упомянутых миров будут утрачены.

Когда знания определяют через информацию, означает ли это, что «информация» является исходной категорией? Скорее всего, исходным понятием на этом пути следует брать понятие «шума» – то есть ситуацию, когда вовсе нет информации. Затем следует уровень, где есть «данные» – то есть это то, что потенциально полезно для информации. Информация появляется из данных, это то, что уже потенциально полезно для знания, для этого мы информацию организуем. Отдельные фрагменты такой информации часто называют фактами. Знания – это уровень, когда у нас есть правила, касающиеся использования информации. Не только знания зависят от фактов, есть и обратная зависимость. С помощью языка мы анализируем и синтезируем знания, выстраиваем отношения между ними. Язык каждой из наук имеет свою историю, именно с его помощью проводят демаркацию границ дисциплины. Отсюда трудности мультидисциплинарных исследований. В новое время утвердилось правило, в соответствии с которым «науки могут получить место под солнцем только при условии, что будут оставаться обособленными друг от друга. Но если то, что вы исследуете, проходит через три области, вас уже больше не понимают», как писал по этому поводу Б. Латур [12. С. 64].

Организация знания открывает уже уровень знаний о знании, то есть «метазнаний». На вершине подобной пирамиды далее следовало бы располагать «мудрость», когда знания используются в целях, о которых мы склонны думать или верить, что они правильные. В отношении них раскрывается значимость веры, через нее людям раскрывается правильность их решений. Вера значима везде: в религии она мистическая, а в светской жизни она рациональная. Обычно веру противопоставляют знанию, это было политически удобно в нашей атеистической державе. Но с эпистемологической точки зрения это, по меньшей мере, неточно – как вера, так и неверие – это интеллектуальные действия, которые должны изучаться.

Верить во что-то — значит осуществлять или продолжать мысленное действие. Вы не можете верить или не верить, лишь пассивно переживая, писал Полани [10].

Весь ряд – работа с данными, информацией, фактами, знаниями, метазнаниями – все это деятельные акты субъекта. Только деятельность может быть неудачной, и всякая деятельность чревата риском неудачи.

Это происходит уже за пределами познания. Иной оказывается точка зрения М.Ю. Савельева, который полагает, что мы не выходим за эти пределы, что на уровне метазнания проектируется любая познавательная система, проектируется частная методология экономической науки, то есть наступают «результаты деятельности методистов и методологов, снимающие затруднения в деятельности» [1. С. 64]. Так ли краток путь от знания и метазнания до результатов деятельности? И каковы этапы этого пути? Драма познания состоит в непростых отношениях между данными, информацией, фактами, знаниями и метазнаниями. И уж конечно этот процесс не может быть представлен как однолинейный. Ибо познание начинается не с обобщения фактов, а с проблемы, которая является противоречием между тем, что мы знаем и тем, чего мы не знаем (Поппер) «познание начинается не с восприятий или наблюдений, или со собирания данных или фактов, оно начинается с проблем» [9. С. 299].

Для упорядочения данных без языка в этом процессе не обойтись. В познавательный опыт будут вовлечены не только слова языка, но и артефакты, своими значениями они тоже будут участвовать в формировании социального знания. Артефакты участвуют в процессах производства, сохранения, распределения и потребления благ, эти процессы образуют предмет экономической науки. Значения вещей отличаются от значений знаков. Если в отношении знаков языка люди часто встают в позицию владельцев, то в отношении к вещам люди скорее встают в отношении повиновения (Миллер). Исследования артефактов показывают, что значения вещей отличаются от значений слов, какие открываются в лингвистике [13. С. 397]. Значения слов оставляют нас в пределах языка, тогда как

значения вещей выводят нас за его пределы. Значения вещей – не в связях словесных абстракций, а в значимости вещей для человека.

Люди упорядочивают объекты и сами оказываются ими же упорядоченными, в поведении людей раскрывается то, что Д. Миллер называет «повиновение вещам» (*humility of things*) [13. С. 409].

Информация должна быть связана с языком. Когда речь идет о науке, то таким языком обязательно будет не просто письменный, но и печатный, то есть книжный язык. Познание предполагает социальный контекст – для науки нужны не просто грамотные индивиды, необходима сеть учебных заведений, исследовательская инфраструктура, разделение труда внутри науки, возникновение разных дисциплин, в том числе и дисциплин, связанных с логикой и методологией познания, журналы, которые придерживаются различных парадигм, отлаженные экспертизы и критика результатов.

О научной теории можно говорить, что это инструмент в руках субъекта познания и он направлен на преобразование объекта. Задача знания как инструмента – изменить реальность. В отношении к знанию доминирует ожидание «пользы». Но о научной теории можно сказать иначе – это язык, который изобретается, выбирается или отделяется от других языков, тем самым он направлен на создание картины реальности. Отношение «пользы» перестает быть главным. Выбор языка не должен происходить за спиной субъекта, он должен быть осознан. Выбор языка – это обнаружение путей от одного языка к другому. Или это движение от языка к метаязыку, от знания к метазнанию. Сегодня повсеместно переживаются импульсы разных групп «изменить социальную реальность». Для начала все же не лишним будет попробовать ее познать.

Автор настаивает на субъективности социального знания. Само высказывание «социальные знания субъективны» – пример эвристического допущения, как об этом писал А.А. Зиновьев [14. С. 520]. Это совокупность утверждений об эмпирических предметах, которые не выводятся логически, но принимаются как внелогические допущения [14. С. 522]. Не существует логических критериев, которые позволили бы нам выбирать между разными допущениями. Такие суждения обычно выражаются общими суждениями. Их примеры – «в природе все упорядочено» и «в природе господствует хаос», «социальные знания субъективны» и «социальные знания объективны». Эвристические допущения являются внелогическими, они ориентируют исследование в некотором направлении, но не определяют знания конкретно. Задача исследователя – следить, чтобы по вине таких суждений не возникли противоречивые суждения [14. С. 520].

Социальные знания – это системы суждений, которые ученые люди выстраивают по поводу практических проблем общественной жизни. Они отталкиваются от противоречия между известным и неизвестным, выдвигают гипотезы в отношении неизвестного, выводят следствия из них, сравнивают гипотезы по их информативности. Нет отдельной логики той или иной науки. Важен урок из истории науки – никакое знание никогда не является бесстрастным. Исследователь посвящает себя, самоотдача приводит к личностному знанию. Но личностное не есть субъективное [10].

Объективность знания не означает натуралистическую верность объекту, напротив, объективность существует лишь через шквал критических разоблачений предложенных гипотез, через беспощадные попытки их опровергнуть. Научное знание – это гипотезы, фальсификация которых пока не удалась.

2. Гуманитарное знание в окружении других наук

Автор монографии исходит из того, что мир научного знания может быть представлен в двух формах – знания о природе и знания об обществе. Центр внимания сосредоточен на отличии этих продуктов друг от друга [1. С. 65]. К разряду центральных относится предположение автора, «что знания об обществе обладают особыми специфическими свойствами, которые не характерны для иных видов знания, в частности, для естествознания». «Специфика социознания, в отличие от гуманитарного знания или естествознания, заключается, в первую очередь, в том, что это знание субъекта знания о субъекте знания – общества об обществе, то есть это знание является продуктом рефлексии, осуществленной обществом в отношении деятельности самого себя» [1. С. 63-64].

Мы видим очень высокую планку, какую устанавливают перед социальной наукой, это знание «предназначено служить источником концептуальных оснований, в том числе и научных теорий, для управления обществом» [1]. Справится ли социальная наука с задачей служить «источником базовых оснований проектирования любой знаниевой системы, коей является, например, частная методология экономической науки, а также все результаты деятельности методистов и методологов»? И должна ли социальная наука выступать в роли «метаметодологии»?

Обращаясь к работам А.А. Зиновьева, современного классика по вопросам логики и методологии науки, мы не находим там таких предпочтений, выданных методологией науки. Действительно, существует логика, единая для всех наук. Она может описываться и изучаться отдельно от конкретных наук. И А.А. Зиновьев выражал сомнение в том, что методология науки может существовать рядом с конкретной наукой. «Методология данной науки исчезает в теле самой науки, а не образует особое тело наряду с ней». Если же наряду с наукой вырастает еще особая наука, являющаяся ее методологией, это скорее признак неблагополучия, чем прогресса [14. С. 542]. Авторитет А.А. Зиновьева непререкаем для автора в том, что касается публицистической страсти в повествовании, но в отношении к методологическим идеям мэтра М.Ю. Савельев занимает позицию инакомыслящего диссидента.

Автор подкрепляет констатацию субъективности социального знания предостережением, что если исследователи будут игнорировать отличие этого знания от естественно-научного, то они неизбежно будут приходить «к неадекватным выводам и/или практической их неприменимости».

Что означает – игнорировать? М.Ю. Савельев не приводит прямых свидетельств реальности обнаруженной им угрозы, когда естественно-научное знание применялось бы к социальным объектам. Но следует согласиться с тем, что у подобных опасений есть основания. В университетах, которые выпускают кадры управленцев в соответствующие структуры, в качестве общей дисциплины на всех специальностях преподается курс КСЕ (концепции современного естествознания) и нигде нет курса, где бы излагались основы современного социального и гуманитарного познания. Это по всей стране, из года в год, многие десятилетия, как для специальностей технического, так и гуманитарного профиля. Отставания в методологической подготовке специалистов по социальному управлению хватит надолго. КСЕ по его обязательности выступает аналогом курса «научного коммунизма» только в современных условиях. Так что вероятность попыток применить естественно-научные установки к социальной реальности остается. Но поводы для тревоги могут иметь и другой адрес. Управленцы могут приходить к «неадекватным» выводам по причине того, что они опирались «не на те» социальные теории. Вне поля зрения автора остаются вопросы о многообразии внутри «социальных знаний». Есть одна область знания – «социология», но вариантов такого знания будет гораздо больше.

Автор ввел эвристическое допущение – «субъективность социознания». Оно сразу подразумевает другое эвристическое допущение – «объективность социознания». Социальные знания не только субъективны, но и объективны – вот эта проблема, с которой начинается познание. Когда мы сталкиваемся с эвристическим допущением «социознание существует консолидировано», оно сразу вызывает свое дополнение – «социальные знания не монолитны, они множественны». Думается, что вопрос следует поставить иначе – из какого социального знания может успешно развиваться экономическая наука? Это тем более важный вопрос, ибо автора интересует не отстраненный академический вопрос типа – «что есть истина?», а вполне прагматический вопрос – как использовать знания в проектировании систем управления.

Действительно, социальные знания устроены иначе, ибо их объекты другие. Молекулы, клетки, насекомые, млекопитающие, люди – все эти объекты ведут себя по-разному. Но по вопросу как идет описание этих процессов в языке, в каких логических формах они оказываются представлены, мы найдем здесь близость и единство. Логика одна для всех наук, писал Зиновьев. Нет логики физики или психологии. Рассмотрение отдельных методологических вопросов не может отделяться от тела самой науки, и описание происходящих процессов не содержит какого-то алгоритма. Одна из задач частной методологии науки – выявлять и исследовать эвристические допущения относительно изучаемых объектов [14. С. 541].

Если без учета этого обстоятельства настаивать на принципиальном отличии знаний естественно-научных и социальных, возникает опасность, что характеристики знания придется сохранить лишь за одной из противопоставленных сторон.

Из текста работы остается неясно, каково происхождение «метауправленца» [8. С. 260-265], а это важный вопрос – данная фигура наделена изначальной мудростью, которой «гарантируются скорость преобразований и снижение рисков наступления хаоса (в случае революции)». Настоящей удачей для создания системы управления была бы ситуация, если на примете имеется такая фигура...

Многие методологи провозглашают резкое отличие опыта постижения природы и общества. С этим не поспоришь, эти опыты отличаются. Когда энтомолог смотрит на стрекозу, то стрекоза на него не смотрит, а когда социолог смотрит на человека, тот тоже на него смотрит, в результате изменяется поведение этого человека.

Однако суждение о том, что в распоряжении людей есть только два типа знания – естественно-научные и социальные, не берется в расчет существование знаний гуманитарных. Это не просто досадное упущение, это постулат, который будет мешать автору последовательно приходить к обоснованию его же собственных тезисов. В частности, к рассмотрению вопросов – как люди с опорой на знания изменяют системы управления.

Свойством выполнять функции рефлексии автор наделяет социальное знание – «это знание общества как субъекта познания о субъекте познания». Но знания о человеке дает не только социология, но и физиология, все науки так или иначе несут такие знания. Однако главные задачи по развитию рефлексии выпадают на долю гуманитарных наук, ибо это по определению есть, как об этом пишет М. Н. Эпштейн – «область самопознания человека и человечества» [15. С. 32].

Такое определение более конструктивно, чем традиционное, когда говорили, что это науки о духе и духовной культуре. С традиционным определением трудно работать – в философии показано, что человек «не состоит» из тела, души и духа [16]. Уже и в новейших энциклопедиях можно прочитать, что противопоставление материальной и духовной культуры во многом потеряло смысл [17].

В прежние времена тело понималось как подобие космосу, душой человек был подобен всему живому, тогда дух описывался как подобие творцу. Светский вариант понимания этой важнейшей для культуры идеи мы находим в работах М.М. Бахтина. Он перевел три важных для христианской антропологии понятия на современный язык. Тело человека – это человек в пространственном измерении, душа – человек во временном измерении, тогда как дух – это человек в смысловом, совместном с другими измерениями бытия [18. С. 165]. Действительно, гуманитарные науки – это науки о духе, при этом, как писал М.М. Бахтин, нужно только, чтобы было как минимум два духа, которые вступают в диалог по вопросам об этих разделяемых смыслах. Здесь и раскрывается самопознание человека и человечества.

Точности ради заметим, что естественно-научные, социальные и гуманитарные науки не исчерпывают складывающегося здесь многообразия. Развитие экономической антропологии ставит задачу развития комплекса наук, которые прежде именовались науками о технике. Сегодня стремительно развивающаяся область знаний о мире посредников между человеком и миром, мире медиа, мире артефактов, тех вещей, какие человек создает и каким он начинает повиноваться [13. Р. 396-419]. Мир медиа – это не просто средства деятельности, но и среда жизни.

Проводить границы между дисциплинами своего рода риск не заметить общности их строения. Применимы ли к гуманитарному знанию характеристики, отмеченные в первой части статьи? Думается, что да. Мы видим общую схему – данные, информация, знания, метазнания, где данным предшествует «шум», а в завершающей стадии мы ищем «мудрость», позволяющую принимать решение, в которое мы верим, что оно правильное. Это область того, о чем поговорили Александр Македонский и Диоген на рынке. Не исключено, что «мудрость» нам изменит, и решение окажется неправильным, равно как и то, что в объеме «шума» мы не разглядим «данных». Примеров тому – море.

При всем этом есть очень много отличий, выделяющих гуманитарные знания. Если науки о природе и обществе опираются на понятия, то гуманитарии оперируют смыслами (образами или символами). Как писал М.М. Бахтин, «интерпретация смыслов не может быть научной, но она глубоко познавательная. Она может непосредственно послужить практике, имеющей дело с вещами» [18. С. 362]. Это «не ненаучная, но инаучная форма знания, имеющая свои внутренние законы и критерий точности» [18]. Если в позитивных науках доминирует монологическая форма знания, то гуманитарное знание всегда диалогично или полилогично. Если авторский голос в научном познании всегда вне текста, то в инаучном познании этот голос внутри. Позитивные науки стремятся быть мыслью о мире, охватывающей мир, гуманитарная же стремится быть мыслью в мире, быть ему причастной.

Объединяет все науки то, что они никогда не являются бесстрастными констатациями, любое научное знание всегда является личностным, получаемым в результате самоотдачи. Философия, как ярко выраженный пример гуманитарного знания, тоже имеет дело с данными, но в отличии от наук о природе и обществе, философия имеет дело с внеопытными данными (они относятся к всеобщему, абсолютному), хотя она может учитывать и опытные данные наук, искусств, экзистенциального опыта собственной жизни.

Но кроме различий по предмету, науки отличаются и в прагматической сфере, где должна складываться соответствующая теории область практики (табл.). Как пишет М.Н. Эпштейн, для естественных наук, изучающих природу, такой сферой выступает техника. Для социальных наук, изу-

чающих общество, такой сферой будет сфера политики [15]. Что будет выступать соответствующей областью для гуманитарных наук?

Сравнительные характеристики гуманитарных и естественно-научных дисциплин

Предмет, на который направлено познание	Науки, в которых знания обобщаются	Практические методы преобразования того, что изучается
Природа	Естественные	Техника
Общество	Социальные	Политика
Культура	Гуманитарные	

Думается, что именно отсутствие методов преобразования (они только начинают складываться) подталкивает многих исследователей объединять вторую и третью группу наук в некий комплекс «социогуманитарных наук». Это может быть оправдано, если необходимо подчеркнуть отличие этих наук от наук о природе. Но для более тонких операций такое упрощение не может быть принято. Обещания обучить методам «социогуманитарных наук» так и не были выполнены.

Когда этих «сестер» – (социальную науку и гуманитарную науку) усаживают рядом, то ясно, какая из них окажется главной. Гуманитарные науки, как область человеческого самопознания, всегда проигрывали в спорах по вопросам о точности и строгости не только наукам о природе, но и социальным наукам. Впрочем, гуманитарии относились к этому спокойно, ибо их дело заключается в другом. Задача этих «инонаук» – раскрывать формы человеческого самопознания, а человек – это такая реальность, которую определить невозможно. Вернее, эту реальность можно определить на языке естествознания, на языке обществознания, но не удастся его определить на языке науки, которая, казалось бы, специально существует для этого! Определить что бы то ни было – это установить предел, дать дефиницию, это указать на предел – финиш. А это неприменимо к человеку.

«Гуманитарность свойственна именно таким дисциплинам, где человек менее всего может опередметить себя как эмпирическую данность, как индивидуальное или социальное тело» [19]. В развитии гуманитарное знание имеет природу не столько пророчества, сколько проекта. Не столько отражение позитивной реальности, сколько манифест наступающей реальности. Здесь наблюдается глубокое взаимное проникновение констатаций и манифестаций. Сегодняшние физики весьма заинтересованы в развитии гуманитарных идей о человеке и сознании – без этого участка не складывается головоломка об устройстве мира, над чем они работают.

Гуманитарные науки не только накапливают знания о наличной культуре, они могут предлагать смыслы, имеющие прогностический характер, как об этом пишет М.Н. Эпштейн. Это не просто знания об уже существующих реальностях – это проекты новых практик и новых реальностей.

Именно гуманитарии выступали в XX в. авторами знаменитых манифестов об искусстве будущего, морали будущего, техники будущего, образования будущего. Здесь проектировались новые порядки и они могли входить, а иногда и входили в жизнь. Это не просто утопическая мечтательность о будущем, а описание будущего как оно уже складывается сейчас. Здесь знания наделены проективной силой, они дают картину не того, что есть мир и человек, а картину того, какими мир и человек могут быть. В этом состоит значимость гуманитарной составляющей для развития общества, развития социальных теорий.

3. Личностное знание и объективность в науках о человеке и обществе

На заре Нового времени объективность в науке понималась как знание с «ничьей точки зрения», ибо истина была божественным установлением. Сегодняшние представления максимально дистанцируются от взгляда на теорию (естественно-научную, социальную, гуманитарную) как «чистую» от заинтересованности. Пафос монографии М.Ю. Савельева в целом состоит в противостоянии объективистскому пониманию деятельности и познания. Именно поэтому автор с такой страстью придерживается суждения эвристической онтологии о субъективности социального знания. Но почему только это одно допущение?

Оно отображает одно из следствий активности субъекта. Но есть и другие следствия. Пафос утверждения субъективности социального знания в целом понятен, но этого недостаточно, чтобы такой пафос мог разделить читатель. Что означает субъективность? То, что знание принадлежит субъекту, что

это его достояние? Либо же, субъективность – это характеристика содержания знания, которое несет на себе следы устройства познающего существа, вовлеченного в опыт познания? Но обе эти характеристики применимы к знанию о природе. С Нового времени упрочилась привычка думать, что ученые смотрят на мир с анонимной точки зрения, но переход к другим системам рациональности заставил осознать роль приборов наблюдения, а затем еще и особенности мировоззренческой картины мира, какую они находили в своем сознании. Это отмечает и М.Ю. Савельев, говоря о наступлении неклассической и постнеклассической рациональности, хотя он относит это лишь к социальному знанию.

В чем же выражается «исключительная субъективность социального знания»? Его доводы таковы: «Если никто не знает, что Земля вращается вокруг Солнца, то она все равно будет вращаться. Но если никто не знает, например, о существовании рынка, то этот институт не существует» [1. С.65-66]. Эта дилемма наполнится не логическим, а историческим смыслом, если поставить вопрос – а откуда появились рынки? Какова последовательность их исторического развития? Существует точка зрения, что рынки развивались «снизу», из обмена локальными дарами. Но доводы иного рода говорят, что рынки развивались под влиянием торговли, и поначалу не были общей нормой, как об этом пишет А.А. Сусоколов [19. С. 404]. С учетом этих замечаний картина делается более полной. В первом случае, когда рынок развивался «снизу», знание о том, что «рынок не существует» в принципе невозможно. Во втором случае, рынок как реальность существует только для той малой группы населения, которая им активно пользуется, другие же люди совершенно ничего не знают об этом, вот для них рынок точно не существует.

Для того, чтобы обмен приобрел коммерческую форму, которая складывается в эпоху «Великой трансформации», описанную Карлом Полани [20], должно было пройти время.

Как только социальное знание объявлено субъективным, мы попадаем на территорию безудержного скептицизма: «науки об обществе в традиционном смысле понимания науки, как инструмента отделения подлинного, натурального знания от других типов знания (в первую очередь, от субъективно-смысловых и предписывающих), не существует» [1. С. 66].

Даже если знания понимать как «инструмент», ситуация не так безнадежна. Ибо знания и о природе вовсе не являются коллекцией «подлинного натурального знания», поскольку современная постнеклассическая рациональность распространяется и на эти научные знания.

Но знание можно понимать не как инструмент, а как язык, что полностью меняет ситуацию. Ни один из языков не дает картины «подлинного натурального знания» мира, как «он существует сам по себе», ведь получаемые картины всегда несут долю риска и возможности ошибки. Именно эта возможность ошибки, по мнению К. Поппера, и способности ученого обнаруживать ошибочность идей, его способность критиковать эти идеи, вот в чем заключается надежда на объективность результата. Возможность ошибки не дискредитирует знания, а указывает единственный путь к объективности. И после открытий К. Поппера и М. Полани, сделанных с различных сторон познания – со стороны объекта и со стороны субъекта, исчезли отнюдь не знания, а наивность прежней веры в «натуральность объективности». И для нашей темы важна мысль К. Поппера: «совершенно неверно считать, что позиция представителя естественных наук более объективна, чем представителя общественных наук» [9. С. 305].

Майкл Полани писал, что «всякий акт познания включает в себя молчаливый и страстный вклад личности», «представляет собой необходимый компонент всякого знания вообще, самоотдача имеет два соотнесенных друг с другом полюса, личностный и всеобщий» [18]. Именно в связи с такой позицией субъекта связана возможность различать знание явное и неявное. В учебной литературе встречается, как правило, явное знание. Это объясняет многие забавные примеры, приводимые М.Ю. Савельевым: «Неудивительно, что ни один экономический закон из учебников по «Экономикс» в постперестроечной России не действовал. Ученые, чиновники, бизнесмены были в шоке...» [1. С. 66]. Но если эти почтенные люди «были в шоке...», как отмечается в монографии, так не по той ли причине, что они оперировали идеями и суждениями, взятыми из XIX в., в лучшем случае из курса КСЕ? А где вообще действуют законы из учебников? И верно ли, что существует онтологическая связь юридических законов и научных законов, как это отмечает М.Ю. Савельев [1. С. 131].

Наука продуцирует явное знание, и в такой форме мы сталкиваемся с ним в обучении, но живут и действуют люди, опираясь и на неявные знания тоже. Майкл Полани боролся не с объективностью, а с «объективистами». Им неведомо, что «мысль об истине предполагает желание этой истины и потому является личностной. Однако этот личностный мотив направлен на безличностно всеобщее, поскольку жаждать истины – значит жаждать чего-то общезначимого» [10. С. 312-313].

Скептической окажется оценка, какую в монографии получает критерий истинности в социальных науках, – он перестает быть основным, становится служебным, а далее вовсе несущественным.

Автор исходит из представления, что есть основная концепция истинности, а есть и неосновные. Так ли это? Не окажется ли так, что основная концепция как раз и представлена ее референтной, когерентной, прагматической сторонами, они-то и выступают в своем переплетении рельефом того идеала, какой именуют истиной? «Реализуемость», о которой пишет автор, – это прагматический вариант истины, но не ее альтернатива.

Автор считает, что пора отбросить критерий истинности не только в прикладных, но и в фундаментальных, макроэкономических исследованиях, где партийно-классовые и идеологические штампы, облеченные в одежды истинности, все еще часто довлеют над исследователями. Но не окажется ли так, что идеологические штампы безотносительно к одежкам, в которые они «рядятся», это и есть соблазны реализуемости. Идеология апеллирует не к истинности, а к экзотическим состояниям реализующейся мечты и веры.

Но М.Ю. Савельев признает все же значимость истинности, когда пишет: «исследователю в условиях относительности истинности своих выводов необходимо обязательно явным образом фиксировать заказ на исследование». Думается, что здесь ответ на вопрос – почему важно развивать идеи эпистемологии личностного знания. Исследователю важно убеждать заказчика в том, что именно его концепт наделен объективностью, ибо он личностный. Нужно заботиться о заказчике, не исключено, что тот размещает заказ среди многих разработчиков. И когда придет пора принимать выполненный заказ, ему все же сподручнее выбирать личностный и объективный вариант, нежели чем анонимный и субъективный.

Как раз самоотдача исследователя снимает противостояние между объективным и субъективным, поэтому М. Полани называл это «личностным знанием, но не субъективным» [10].

Известно, что последовательный скептицизм обычно приходит к отрицанию правомочности защищать собственную доктрину. И мы видим тому подтверждение. М.Ю. Савельев считает, что «экономическое знание является особой отраслью знаний об обществе – знанием об отношениях между людьми в связи с воспроизводством общества, называемых также имущественными отношениями». О субъективности знания об обществе здесь уже не идет речь.

Савельев считает, что «социознание в значительной степени более магическое и мистическое, чем научное» [1. С. 70]. Думается, что здоровое зерно этого неожиданного суждения состоит в том, что социальное знание (как и любое другое) связано с неявным знанием, несет печать личностной самоотдачи. Общий смысл мистического и эзотерического состоит в том, что так именуют особое знание, оно тайное и повествует о спасении.

И далее мы читаем, что «утрата эзотеричности социознания означает непригодность его для управления и при отсутствии у элитной группы скрытых целей и методов влечет неизбежную утрату этой группой элитарности и способности управлять» [1]. Это неожиданный вывод. Означает ли это, что возможность управлять основывается на сохранении в тайне целей этой деятельности? Должен ли методолог дать подписку о неразглашении? Думается, что значительный налет таинственности, присущий этому фрагменту текста, будет снят, если учесть, что сфера управления – это еще и бизнес, а значит и конкуренция.

М.Ю. Савельев делает обобщающий вывод: «Если в ходе исследований обнаруживается недостаток концептуальных оснований преодоления управленческого затруднения, то возникает заказ на особую форму производства знаний – научную деятельность, подчиненную особому искусственному критерию деятельности – истинности» [1. С. 65].

Эти строки читатель встречает с чувством облегчения. Утверждения о субъективном характере социального знания оставлены в прошлом, происходит реабилитация критерия истинности.

Очерк идей, предложенных в проекте, направлен на решение практической задачи исключительно важности – развитие системы управления и проектирования в социальной сфере. Как и в любой работе в ней поднимаются проблемы, предлагаются решения, многие из которых требуют дополнительного осмысления и уточнения. Попробую сформулировать некоторые из них:

1. Нуждается в более строгом определении понятие «субъективности», которое автор делает основным признаком социального знания. И если это суждение выступает «онтологическим эвристическим допущением», то под влиянием каких факторов (логических, эмпирических) происходит отказ от такого допущения?

2. Необходим детальный анализ отношения понятий «информация» и «знание». Авторский анализ этапов движения от данных к метазнанию оказывается редуцированным.

3. Каким образом формируется такой социальный институт как «метауправленец»? Существуют ли есть примеры того, что именно этот институт (а не другие институты – университет, правительство, армия, церковь) может успешнее решать вопросы проектирования управления?

4. Необходимо более детально обосновать статус общей и частной методологии по отношению к экономической теории. Растворяется ли методология в теле теории или все же образует отдельное тело?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельев М.Ю. Мультикультурный институционализм: Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества: монография. Ижевск: «Митра», 2015. 488 с.
2. Савельев М.Ю. Управление межнациональными отношениями и этносоциальными процессами средствами мультикультурного институционального проектирования в целях прогнозирования, предупреждения и регулирования конфликтов // Надконституционные институты в разных культурных средах: материалы междунар. науч.-методол. конф. «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах»/ под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко. Ижевск: Митра, 2015.
3. Савельев М.Ю., Савельева М.Г. Методологическая культура как предвестник новой парадигмы экономической науки: что нужно делать с образованием высших управленцев // Надконституционные институты в разных культурных средах: материалы междунар. науч.-методол. конф. «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах»/ под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко. Ижевск: Митра, 2015. С.470-479.
4. Савельев М.Ю. Проект парадигмы синергизма экономической науки // Надконституционные институты в разных культурных средах: материалы междунар. науч.-методол. конф. «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах»/ под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко. Ижевск: Митра, 2015. С. 28-35.
5. Савельев М.Ю. Структурный анализ текстов по самоорганизации и самовоспроизведению // Надконституционные институты в разных культурных средах: материалы междунар. науч.-методол. конф. «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах»/ под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко. Ижевск: Митра, 2015. С. 96-103.
6. Савельев М.Ю. Синергетическая структура текстов социальных теорий // Надконституционные институты в разных культурных средах: материалы междунар. науч.-методол. конф. «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах»/ под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко. Ижевск: Митра, 2015. С.127-137.
7. Савельев М.Ю. На пути к новой парадигме экономической и управленческой науки // Менеджмент: теория и практика. 1999. № 3-4. С. 42-63.
8. Савельев М.Ю. Современные изменения в структуре экономических знаний // Надконституционные институты в разных культурных средах: материалы междунар. науч.-методол. конф. «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах»/ под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко. Ижевск: Митра, 2015. С. 260-265.
9. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
10. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1995. 343с.
11. Пигров К.С. Социальная философия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 296с.
12. Латур Б. Нового Времени не было: эссе по симметрической антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2006.
13. Miller D. Artefacts and the meaning of things. // Companion encyclopedia of anthropology. ed. by Tim Ingold. London; New York : Routledge, 1994. pp. 396-419.
14. Зиновьев А.А. Очерки комплексной логики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 560с.
15. Эпштейн М.Н. Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? // Философские науки 2008. № 12. С. 34-54.
16. Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. №4. С. 143-151.
17. Ионин Л.Г. Культура материальная и духовная // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль. 2001.
18. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
19. Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. М.: SPSL – «Русская панорама», 2006. 446 с.
20. Поланья К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 278 с.

*V.L. Krutkin***SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN MANAGEMENT SYSTEMS**

The article analyzes the theory of knowledge presented in the monograph of Yu.M. Saveliev, "Multidisciplinary institutionalism. General economic theory of civilizations. The political economy of traditionalism". The monograph is devoted to the problem of designing management systems. The article gives a critical analysis the concept of development scientific knowledge, presented in monography, analysis of the solutions proposed by the author on the relationship of information and knowledge, communication of knowledge about nature and society, movements of knowledge through data, to information, knowledge and meta-knowledge. Analyzes the heuristic assumptions of the author concerning the objectivity and subjectivity of social knowledge. Underline the role and influence K. Popper and M. Polani, on the ideological basis of the development concepts necessary for the development of epistemology, the design of control systems. First consider the process of cognition from the positions of the object, while the second assumed position of the subject. The article gives a critical analysis of the truth of knowledge and its feasibility in practice management, communication, knowledge explicit and implicit. Humanities is the area of human self-discovery man and humanity. It plays an important role in reflective processes, in the process of designing new practices. The problem of frontiers of knowledge, when carried beyond its limits, is selected, accepted a decision, in relation to values

Keywords: social and humanitarian knowledge, methodology, heuristic assumptions, personal knowledge and objectivity.

Круткин Виктор Леонидович,
доктор философских наук, профессор
Института истории и социологии

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
Email: krutkin1@yandex.ru

Krutkin V.L.,
Doctor of Philosophy, Professor,
at Institute of History and Sociology

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 462034
Email: krutkin1@yandex.ru